

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357

EDN: ZHLZJZ

Научная статья / Research article

Проектирование «гибридной войны»: западная дискурсивная репрезентация китайской внешней политики

Г. Саймонс¹, А.В. Манойло², А.Р. Гончаренко³¹Международный университет Даффодил, Дакка, Бангладеш²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерацияgregmons@yahoo.com

Аннотация. Китай — крупнейший государственный субъект международных отношений, который представляет серьезную угрозу продолжающейся однополярной гегемонии США. В этой связи против Китая ведется кампания обструктивной внешней политики посредством позиционирования Китая как злойшей угрозы и ненадежного субъекта, выступающего против «порядка, основанного на правилах». В надежде ограничить и сдержать глобальный подъем Китая Запад стремится подорвать потенциал «мягкой силы» Китая. Опираясь на интегративный вид обзора литературы, авторы рассматривают попытки «производства знаний» с использованием субъективных интерпретаций и представлений США и их союзников о современном типе геополитически обусловленных международных конфликтов — гибридной войне. В представлении западной общественности гибридная война — это политически заряженный и нагруженный термин, который предполагает злой умысел у зачинщика такого конфликта в отношении предполагаемой жертвы. По оценкам зарубежных экспертов, современная внешняя политика Китая носит гибридный характер. Страну публично обвиняют в проведении операций в экономическом, кибернетическом, географическом, геополитическом, психологическом, информационном и идеологическом пространствах. В настоящее время понятие «китайской гибридной войны» начинает становиться все более популярным в средствах массовой информации. Однако обострение китайско-американских отношений на фоне конфликта в Южно-Китайском море и тайваньской проблемы дает нам возможность прогнозировать, что Китай будет все чаще позиционироваться как опасный источник гибридной угрозы в западнцентристском дискурсе, чтобы по умолчанию попытаться сохранить гегемонию США и сдержать глобальный рост КНР посредством негативной информационной кампании.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, неограниченная война, международные отношения, гибридные угрозы, информационная война, сдерживание, США

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Саймонс Г., Манойло А. В., Гончаренко А. Р. Проектирование «гибридной войны»: западная дискурсивная репрезентация китайской внешней политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 345–357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357>

© Саймонс Г., Манойло А.В., Гончаренко А.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Projecting 'Hybrid Warfare': Western Discursive Representation of Chinese Foreign Policy

Greg Simons¹ , Andrei V. Manoilo² , Anna R. Goncharenko³

¹Daffodil International University, Dhaka, Bangladesh

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 gregmons@yahoo.com

Abstract. China is the single largest state-based international actor that is a major threat to the continued hegemony of the United States' unipolar order. As such, a campaign of obstructive foreign policy is being waged against China through the obstructive marketing of China as a sinister threat and unreliable actor against the 'rules-based order.' By attempting to undermine China's soft power potential, it is hoped that China's global rise can be constrained and contained. Drawing on an integrative type of literature review, this article examines attempts at 'knowledge production' through geopolitically subjective interpretations and representations by the U.S. and its allies of the modern type of geopolitically-influenced international conflicts — hybrid warfare. In the English language imagination, hybrid warfare is a politically charged and loaded term that assumes ill intent by the user upon the intended victim. According to the research estimates by foreign experts, the current foreign policy of international activities by China displays a hybrid character. The country is publicly accused of carrying out operations in the economic, cybernetic, geographical, geopolitical, psychological, information and ideological spaces. Currently, the notion of "Chinese hybrid warfare" is starting to become an increasingly popular mass communicated trope. However, the aggravation of Sino-American relations against the backdrop of the South China Sea, the Taiwan issue and the Russian special military operation gives us an opportunity to predict that China will increasingly be projected as an increasingly dangerous source of hybrid threat in the Western-centric discourse to contain its global rise and by default to try to preserve US global hegemony through a negative information campaign.

Key words: People's Republic of China, PRC, unrestricted warfare, international relations, hybrid threats, information warfare, containment, United States

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Simons, G., Manoilo, A. V., & Goncharenko, A. R. (2024). Projecting 'hybrid warfare': Western discursive representation of Chinese foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 345–357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357>

Введение

В современную эпоху трансформации гегемонии геополитика рассматривает события и тенденции в сфере международных отношений не только посредством теорий, таких как реализм, конструктивизм, либерализм и т. д., но и сквозь призму информационного пространства, в рамках которого происходит конструирование восприятия актуальных международных процессов с целью вызвать нужную реакцию на эти сконструированные представления (Flint, 2016; Simons, 2022). В настоящее время на Западе широко распространено мнение, что Российская Федерация

ведет масштабную гибридную войну против демократических стран¹. Однако в последнее время стали все чаще звучать мнения, что Китайская Народная Республика (КНР) также прибегает к гибридным инструментам

¹ См.: Clark M. Russian Hybrid Warfare // The Institute for the Study of War. September 2020. URL: [http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russia n%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf](http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russia%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf) (accessed: 01.03.2021); Peter L. Is Russia Going to War with Ukraine and Other Questions // BBC. April 13, 2021. <https://web.archive.org/web/20210908084651/https://www.bbc.com/news/world-europe-56720589> (accessed: 01.09.2021). См. также: (Lanoszka, 2016).

для укрепления статуса мировой державы (Simons, 2022).

В статье анализируются попытки западноцентричных производителей знаний сформировать систему устоявшихся представлений в области международных отношений² посредством геополитически удобных и субъективных интерпретаций и репрезентаций проецируемой угрозы, которую Китай представляет для однополярного порядка во главе с США. Производители знаний, исследователи и эксперты выполняют важную функцию, создавая материалы, используемые в массовой коммуникации с различными аудиториями, чтобы убеждать и влиять на них, формируя восприятие и мнение по разным вопросам (Simons, 2014).

Знание необязательно должно быть истинным, но оно должно быть достоверным и правдоподобным, чтобы когнитивная манипуляция была успешной. В этой работе исследуются несколько различных категорий, которые фигурируют в дискурсе о западноцентричных угрозах. К ним относятся ведение гибридной войны в экономическом, кибернетическом, географическом, геополитическом, психологическом, информационном и идеологическом пространствах. Западная обструктивная внешняя политика³ реализуется через информационную сферу (важно, что информация и знания выступают пятым измерением для ведения боевых действий, помимо земли, воды, воздуха и космоса) с целью повлиять на когнитивную сферу, изменяя воспринимаемые, сконструированные

² Simons G. *International Relations in the Age of US Decline: Orthodoxy of Knowledge and Obstructive Foreign Policy // Russia in Global Affairs*. August 2, 2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/us-orthodoxy-of-knowledge/> (accessed: 20.04.2022).

³ См.: Simons G. *International Relations in the Age of US Decline: Orthodoxy of Knowledge and Obstructive Foreign Policy // Russia in Global Affairs*. August 2, 2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/us-orthodoxy-of-knowledge/> (accessed: 20.04.2022); Simons G. *Modern Diplomacy in an Unstable Global Order: Emotions, Obstruction and Coercion // Valdai Club*. February 7, 2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/modern-diplomacy-in-an-unstable-global-order/> (accessed: 29.06.2022).

и проецируемые реальности для различных глобальных заинтересованных сторон в той степени, в которой это влияет на события и процессы в физическом мире. Таким образом, как словосочетание «гибридная война», так и сама эта концепция имеют негативный и зловещий оттенок в сознании западной аудитории после многих лет когнитивной обработки со стороны правительств стран Запада, стремящихся формировать восприятие своих граждан и, как следствие, получить их согласие на все более агрессивные действия и безрассудную внешнюю политику.

В статье изложены некоторые западноцентричные аргументы из обзора литературы о китайских гибридных операциях, ведущихся в шести оперативных средах, а в заключении приведены некоторые наблюдения о мотивах, возможностях и результатах участия в такой форме обструктивной внешней политики, направленной на лишение оппонента возможности достижения своих внешнеполитических целей и задач. Цель заявления о том, что Китай участвует в гибридной войне — атака на его международный авторитет и репутацию, снижение привлекательности страны для сотрудничества, благодаря чему появляется возможность для продления гегемонии США и сохранения однополярного миропорядка.

Гибридная война: определения и характеристики

Язык геополитики с точки зрения его риторики и избирательного использования ярлыков и определений важен для достижения консенсуса среди различных групп в отношении интерпретаций и представлений о сконструированной реальности. Это означает, что заинтересованные группы могут использовать идеи и концепции, такие как гибридная война, в качестве политического инструмента для повышения своего влияния и придания легитимности государственной политике.

Существуют различные определения гибридной войны. Фрэнк Хоффман (Hoffman, 2009), которому приписывают создание этой концепции, предсказал конвергенцию

будущих войн, в которых соперники будут участвовать в мультимодальной войне, сочетающей в себе организацию и средства межгосударственного конфликта и особенности нерегулярных войн. Следует отметить, что еще до Ф. Хоффмана офицеры Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Цяо Лян и Ван Сянсуй опубликовали работу, в которой выделили отличительные черты неограниченных войн (Qiao & Wang, 1999), хотя в целом основные положения китайской (неограниченная война) и американской (гибридная война) концепций схожи.

Более современное толкование термина «гибридная война» представляется очень расплывчатым: «Гибридная война и поддерживающая ее тактика могут включать широкие, сложные, адаптивные, оппортунистические и часто интегрированные комбинации традиционных и нетрадиционных методов. Эта деятельность может быть открытой или скрытой, с участием военных, парамилитарных формирований, организованных преступных сетей и гражданских лиц»⁴.

В определении гибридной войны, данном Организацией Североатлантического договора (НАТО), наблюдается недостаток концептуальной ясности. М. Калискан отмечает, что «альтернативные издержки неправильной концепции слишком высоки, поскольку она создает путаницу и затемняет стратегическую мысль» (Caliskan, 2019, p. 40). Однако отсутствие ясности действительно приносит потенциальные политические выгоды. О. Фридман (Fridman, 2017) заявляет, что в таком случае создается ситуация, в которой одной стороне затруднительно обвинять другую в неправомерных действиях, одновременно отражая критику в свою сторону и пытаясь получить общественную поддержку на национальном и международном уровнях. Все это согласуется с точкой зрения Р. Джонсона (Johnson, 2018), который предполагает, что в век информации сила СМИ, воздействие,

доступность и дезориентация, которую они создают, влияют на то, как интерпретируется полученная информация. Следовательно, беспокойство порождается «угрозой» гибридных методов, которые эксплуатируют предрасположенность западных СМИ к недостоверным и сенсационным историям или подрывают общепринятые нормы ведения войны. Конечным результатом является создание у аудитории чувства дезориентации и острого желания оперативно все исправить. Таким образом, гибридная война — это не только концепция, включающая скрытые военные операции с точки зрения академического и политического понимания, но также и инструмент утверждения своей повестки и обвинения оппонента.

Методология

Эта статья включает в себя изучение тематической литературы, которая интерпретирует вводящий в заблуждение западнотрицентричный дискурс о том, что китайские гибридные операции представляют угрозу безопасности Запада. Несмотря на то, что рассмотренные материалы по-разному трактуют действия КНР, они раскрывают некоторые важные концептуальные и практические аспекты того, как эти нарративы задумывались и использовались политиками и практиками.

Чтобы охватить вышеупомянутые переменные, представляющие интерес для данной статьи, был проведен обзор литературы. Его цель — дать более широкий и всесторонний анализ рассматриваемой темы, чтобы прояснить проблемы, связанные с предметом исследования (Pati & Lorusso, 2018; Conz & Magnani, 2020). Существует несколько различных видов обзоров литературы — систематический, полусистематический и интегративный (Snyder, 2019, pp. 334–336). Авторы придерживаются интегративного (критического) типа, который помогает «оценить, подвергнуть критике и обобщить литературу по теме исследования таким образом, чтобы появились новые теоретические основы и перспективы» (Snyder, 2019, p. 335). Обзор литературы должен носить диалогический

⁴ White Paper Next Steps in NATO's Transformation: To the Warsaw Summit and Beyond // The Atlantic Council. 2015. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2015/05/NATO_NTS_2015_White_Paper_Final.pdf (accessed: 29.06.2022).

характер, а не быть простым повторением работ и мыслей других исследователей. Следовательно, если исследование основано на более ранних работах, то отобранные источники должны соответствовать поставленной научной задаче (Silverman, 2020, pp. 50–51).

Выборка источников для обзора была сделана посредством поисковых запросов в Интернете, включающих термины «Китай» и «гибридная война». Из массива источников отбирались академические и аналитические работы, авторами которых являлись исследователи из США и стран-союзниц, рассматривавшие в своих работах китайские гибридные операции и Китай как угрозу. В выборку вошли только работы, опубликованные после 2011 г., так как в этот год администрация Б. Обамы провозгласила «азиатский поворот», в рамках которого была публично обозначена дискурсивная позиция, в которой Китай рассматривался как угроза, которую необходимо сдерживать. Особый интерес и актуальность представляют следующие контекстуальные факторы: информационная мощь, когнитивное влияние, восприятие/проецирование риска и угрозы как ключевые элементы возглавляемого США западноцентричного дискурса об угрозе безопасности со стороны Китая.

В результате проведенного обзора литературы было выявлено несколько общих тем из выборки: кибернетическое пространство (цифровая гибридная угроза), экономическое пространство (экономическая гибридная угроза), психологическое пространство (психологическая гибридная угроза), геополитическое пространство (геополитическая гибридная угроза) и географическое пространство (географическая гибридная угроза). Такковы различные классификации восприятия и репрезентации угрозы китайской гибридной войны западными авторами.

Обзор литературы: типологии угроз и ответных мер

Каждая из категорий и типологий (кибернетическое, экономическое, психологическое, геополитическое, информационно-идеологическое и географическое пространства)

представлена по очереди, с кратким и сжатым изложением основных положений рассмотренной литературы.

Кибернетическое пространство

Цифровая среда является не только потенциальным источником силы и влияния, но также источником слабости и уязвимости. Она становится сферой соперничества государств посредством операций в компьютерных сетях (*Computer Network Operations, CNO*), которые подразделяются на атаку компьютерных сетей (*Computer Network Attack, CNA*) и защиту компьютерных сетей (*Computer Network Defence, CND*).

В рамках Сил стратегического обеспечения НОАК функционирует Департамент сетевых систем. В его зону ответственности входят информационные, психологические и кибероперации, техническая разведка и радиоэлектронная борьба. По мнению американского оборонного ведомства, основная цель Департамента — борьба с США⁵. Этот тезис объясняется через призму гибридной войны, которая представляет собой скрытое средство подрыва национальной безопасности, требующее жесткой политики для противодействия заявленным рискам и угрозам.

Китай имеет свой комплексный подход к кибервойне⁶. Ведение боевых действий в киберпространстве согласуется с двумя основополагающими для Китая стратегическими принципами: доктриной народной войны, согласно которой мобилизации подлежат широкие слои населения, причем значимая роль отводится идеологическому фактору, и военно-гражданским слиянием (привлечение гражданского населения и компаний в военную сферу). Пример практической

⁵ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 61. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

⁶ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

реализации данных принципов — отряды кибервоинов, состоящих из гражданских лиц⁷.

Искусственный интеллект (ИИ) и биотехнологии также рассматриваются НОАК в качестве инструментов ведения боевых действий, что становится предметом исследования западных специалистов (Kania, 2019). Прогнозируется, что применение таких технологий приведет к интеграции мозга и машины, что выведет военные операции на новый уровень⁸. Американский аналитик Т. Томас считает, что ИИ оказывает все более значимое влияние на подход Китая к войне, так как в обозримом будущем военные операции будут представлять собой битву алгоритмов⁹, а «достижения в области когнитивных технологий приведут к появлению когнитивного поля войны»¹⁰.

Опасения у экспертов вызывают и технологические компании КНР. Например, закон о национальной разведке КНР обязывает частные компании сотрудничать с китайскими спецслужбами, поэтому индийские исследователи призывают власти своей страны ограничить участие таких компаний в работе над инфраструктурой 5G (Nandan & Chauhan, 2021, p. 132). Они упоминают китайскую компанию *Zhenhua Data Information Technology*, которая собирала личную информацию о миллионах людей, в том числе высокопоставленных гражданах Индии (Nandan & Chauhan, 2021, pp. 131, 133).

⁷ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁸ Xian qi xin de jun shi ge ming? Liu da guan jian ci jie du zhi neng hua zuo zhan // Jie fang jun xin wen chuan bo zhong xin [Начало новой военной революции? Расшифровка шести ключевых слов интеллектуальной войны // China Military Network]. 01.03.2018. (На китайском языке). URL: https://web.archive.org/web/20180301133434/http://www.81.cn/theory/2018-03/01/content_7956455.htm (accessed: 03.09.2021).

⁹ Thomas T. L. The Chinese Way of War: How Has It Changed // The MITRE Corporation. 2020 (June). P. 2, 29, 31–38. URL: https://community.apan.org/cfs-file/_key/docpreview-s/00-00-16-68-30/20200611-China-Way-of-War_2800_Timothy-Thomas_2900_.pdf (accessed: 25.09.2021).

¹⁰ Ibid. P. 33.

Экономическое пространство

Экономика является потенциальным источником национальной мощи и влияния для акторов мировой политики. Когда акторы конкурируют и сталкиваются в международных отношениях, геоэкономика используется как средство поддержки геополитической стратегии.

В доктринальных документах США Китай рассматривается как основной источник гибридной агрессии: Пекин обвиняется в том, что для противодействия США он сочетает дипломатические и экономические инструменты, не прибегая к прямому вооруженному столкновению и разрушению союзов¹¹.

Эксперты Брукингского института считают, что Китай разработал комплексную стратегию по расширению и укреплению своего глобального экономического влияния¹². Примером такой деятельности являются инвестиции КНР в портовую инфраструктуру Индо-Тихоокеанского региона (Cooper & Shearer, 2017, p. 309): порты Гвадар (Пакистан)¹³, Читтагонг (Бангладеш)¹⁴, Хамбантота (Шри-Ланка)¹⁵ и др., а также выделение средств для банковского сектора регионов,

¹¹ The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 // U.S. Army Training and Doctrine Command. December 6, 2018. URL: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-MultidomainOps2028.pdf> (accessed: 25.09.2021).

¹² Marc A., Jones B. The New Geopolitics of Fragility: Russia, China, and the Mounting Challenge for Peacebuilding // The Brookings Institution. October 2021. P. 15. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/10/FP_20211015_new_geopolitics_fragility_marc_jones_v2.pdf (accessed: 25.09.2021).

¹³ Пакистан передал под контроль китайской компании порт Гвадар на побережье Аравийского моря // ТАСС. 12.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2428503> (дата обращения: 11.09.2021).

¹⁴ Bhattacharjee J. China — Bangladesh Strategic Linkages // Observer Research Foundation. May 11, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-bangladesh-strategic-linkages/> (accessed: 11.09.2021).

¹⁵ Куприянов А. В. Китай взял в долгосрочную аренду глубоководный порт Хамбантота на Шри-Ланке // ИМЭМО РАН. 20.12.2017. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-vzval-v-dolgosrochnuyu-arendu-glubokovodniy-port-hambantotana-shri-lanke?ret=640> (дата обращения: 11.09.2021).

представляющих интерес для Китая¹⁶ (например, 2 млрд долл. США были предоставлены Фонду «Африка растет вместе»¹⁷).

Инициатива «Пояс и путь» также воспринимается западными исследователями как источник гибридной агрессии: страны, участвующие в реализации китайского проекта, не только попадают в зависимость от КНР, но и потенциально могут стать территориями, откуда будут вестись китайские гибридные операции¹⁸. По мнению американских экспертов, из-за того, что стремление к извлечению выгод и бизнес-интересы ставятся представителями западной элиты выше национальной безопасности и интересов собственной страны, Запад не смог своевременно предотвратить появление китайской угрозы в регионе¹⁹. Предполагается, что экономическая конкуренция станет более значимой, чем военная²⁰.

¹⁶ Chen Y., Calabrese L., Willitts-King B. How China's New White Paper Defines a Decade of Development Cooperation // Overseas Development Institute. January 20, 2021. URL: <https://odi.org/en/insights/how-chinas-new-white-paper-defines-a-decade-of-development-cooperation/> (accessed: 20.08.2021).

¹⁷ Remarks Delivered by AfDB President Akinwumi Adesina at Signing Ceremony of Sharm El-Sheikh Airport Development Project Loan Facility with the Government of Egypt // African Development Bank. October 12, 2015. URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/remarks-delivered-by-afdb-president-akinwumi-adesina-at-signing-ceremony-of-sharm-el-sheikh-airport-development-project-loan-facility-with-the-government-of-egypt-14808> (accessed: 23.09.2021).

¹⁸ Babbage R. Stealing a March: Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defence Planners. Volume II: Case Studies // Centre for Strategic and Budgetary Assessments. July 24, 2019. P. 32. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2> (accessed: 20.09.2021).

¹⁹ Ibid. P. 49

²⁰ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 4. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

Психологическое пространство

Данная сфера затрагивает воздействие коммуникационной деятельности в информационной сфере и посредством нее — на процессы и результаты в когнитивной сфере отдельных людей и групп. Задачи операций на этом направлении — установление контроля над противником и подавление его воли к сопротивлению посредством внедрения в механизм принятия решений противника, создания хаоса и поддержки антиправительственных настроений. Психологическое воздействие ускоряет распространение слухов и фейковой информации, что может подтолкнуть граждан к поиску назначенных заранее организатором операции «виновников» и созданию атмосферы страха (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Согласно Принципам организации политической работы в НОАК, проведение психологических операций является одним из трех ключевых компонентов современной военной стратегии страны²¹.

В структуру НОАК входит Главное политическое управление, в котором функционируют несколько бюро, отвечающих за проведение психологических операций²². Известно о Базе 311, расположенной в г. Фучжоу, которая функционирует под контролем этого управления²³. Она занимается трансляцией на Тайвань посредством радиостанции «Голос Тайваньского пролива» и социальных сетей. Необходимо упомянуть

²¹ Kania E. The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares // The Jamestown Foundation China Brief. Vol. 16, no. 13. URL: <https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/> (accessed: 01.12.2021).

²² Stokes M., Hsiao R. The People's Liberation Army General Political Department: Political Warfare with Chinese Characteristics // Project 2049 Institute. October 14, 2013. P. 22. URL: <https://project2049.net/2013/10/14/the-peoples-liberation-army-general-political-department-political-warfare-with-chinese-characteristics/> (accessed: 01.12.2021).

²³ Kania E.B. The Role of PLA Base 311 in Political Warfare Against Taiwan (part 3) // Global Taiwan Institute. February 15, 2017. URL: <https://globaltaiwan.org/2017/02/the-role-of-pla-base-311-in-political-warfare-against-taiwan-part-3/> (accessed: 01.12.2021).

и специальные организации, продвигающие китайскую культуру за рубежом: Ассоциация по продвижению китайской культуры, Китайская ассоциация международных дружественных контактов, Фонд по культурному обмену между Китаем и США и проч.²⁴ Военные специалисты из США также упоминают Силы стратегического обеспечения НОАК, которые вовлечены в психологическую борьбу, а также в информационное противоборство, проведение информационных и кибератак, осуществление технической разведки и радиоэлектронную борьбу²⁵.

В целом зарубежные специалисты отводят заметную роль психологическому пространству. Высказывается предположение, что «мощный психологический элемент» в случае обострения отношений с Японией сможет переломить ситуацию в пользу Китая²⁶. По мнению некоторых экспертов, в отношении Индии используется особая стратегия, важным элементом которой являются психологические операции (Qureshi, 2020; Nandan & Chauhan, 2021, p. 130). В случае обострения тайваньского вопроса еще активнее будет задействована упомянутая выше База 311 для планирования и проведения политических и психологических операций²⁷.

²⁴ Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

²⁵ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 61. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

²⁶ Babbage R. Stealing a March: Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defence Planners. Volume II: Case Studies // Centre for Strategic and Budgetary Assessments. July 24, 2019. P. 33. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2> (accessed: 20.09.2021).

²⁷ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 118. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

Геополитическое пространство

В фокусе внимания находится проецируемая идея «подрывной» китайской геополитической деятельности как части геостратегии КНР, направленной на продолжение роста за счет США и западноцентричного глобального порядка.

Американские исследователи озабочены масштабными целями, озвученными Коммунистической партией Китая: «Сделать Китай самой могущественной страной мира к 2050 году»²⁸, обеспечить мировое лидерство²⁹, обрести статус морской державы³⁰, что приведет к снижению мирового влияния Соединенных Штатов (Doshi, 2021, p. 302). По сути, это прямая угроза глобальной гегемонии США.

Эксперты Брукингского института выделили несколько направлений внешнеполитического курса Китая, развитие которых угрожает нынешнему порядку: помощь странам третьего мира (инфраструктура, инвестиции, прямая помощь населению) и непрозрачная для мирового сообщества и международных финансовых институтов система финансирования проектов в других государствах³¹.

Китай также обвиняется в ведении «правовой войны», направленной на оправдание и юридическое оформление результатов политики перед мировым сообществом (Jash, 2019, pp. 102–103).

²⁸ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 2. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

²⁹ Mattis P. The Party Congress Test: A Minimum Standard for Analysing Beijing's Intentions // War on the Rocks. January 8, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/01/the-party-congress-test-a-minimum-standard-for-analyzing-beijings-intentions/> (accessed: 03.10.2021).

³⁰ McDevitt M. Becoming a Great "Maritime Power": A Chinese Dream // Centre for Naval Analyses. June 1, 2016. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/irm-2016-u-013646.pdf (accessed: 03.10.2021).

³¹ Marc A., Jones B. The New Geopolitics of Fragility: Russia, China, and the Mounting Challenge for Peacebuilding // The Brookings Institution. October 2021. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/10/FP_20211015_new_geopolitics_fragility_marc_jones_v2.pdf (accessed: 25.09.2021).

Стратегия сдерживания Китая под руководством США, судя по всему, основана на препятствовании подъему КНР путем отторжения от него потенциальных партнеров и создания региональных альянсов, цель которых — ограничение источников потенциального роста и влияния Китая. Чтобы обеспечить себе глобальное положение, как США, так и КНР ведут активную работу на информационном и идеологическом фронте.

Информационно-идеологическое пространство

В рамках данной категории рассматривается распространение китайской идеологии, которая воспринимается как угроза успешному продвижению пропаганды США и, следовательно, жизнеспособности продолжающейся глобальной американской гегемонии.

Оказание влияния на общественное мнение через средства массовой информации — одна из трех основных задач, провозглашенных в Принципах организации политической работы в НОАК (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Главное политическое управление НОАК занимается проведением информационных операций, продвигая определенные нарративы о стабильности, экономическом процветании и межнациональном мире в целях повышения авторитета и доверия к Китаю³². Важными инструментами для реализации таких операций являются Информационное агентство Синьхуа и Центральное телевидение Китая (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Для повышения их эффективности Китай занимается сбором информации, что вызывает много опасений на Западе³³.

По мнению Э. Кордсмана, ярким примером является крупная китайская дезинформационная кампания в марте 2020 г., связанная с

³² Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

³³ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 6. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

пандемией коронавируса³⁴. Один из китайских дипломатов в *Twitter* (ныне — *X*) высказал предположение, что вирус мог быть привезен в страну американскими военнослужащими. В свою очередь тайваньские власти утверждали, что китайская сторона использовала ботов для распространения недостоверной информации о COVID-19 в соцсетях (Cooper & Shearer, 2017).

Можно ожидать, что информационные операции станут ключевым инструментом в контексте решения вопросов, связанных с Тайванем³⁵, в то время как западные СМИ и политические лидеры пытаются, наоборот, накалить ситуацию вокруг Китая в информационном пространстве (Simons, 2022).

Географическое пространство

Эта категория связана с «оборонительным» (гео)политическим ответом США на так называемую «китайскую угрозу», который, по сути, является призывом узаконить потенциально рискованные политические действия, направленные на решение геополитического вызова американской гегемонии. Таким образом, географическое пространство, в отличие от геополитического пространства, затрагивает представления о «китайской угрозе», а не реакцию США, направленную на сдерживание роста Китая.

В докладе, подготовленном Министерством обороны США, были выделены зоны интересов Китая, в которых он реализует операции влияния. Фактически они

³⁴ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 4. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

³⁵ См.: Ying Y. L. China's Hybrid Warfare and Taiwan // *The Diplomat*. January 13, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/chinas-hybrid-warfare-and-taiwan/> (accessed: 27.08.2021); Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 113–114. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

охватывают всю территорию Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)³⁶.

Одна из главных геостратегических задач США — оказание поддержки Тайваню, который, как считается, подвергается агрессии со стороны Китая³⁷. Американские власти подчеркивают важность помощи Китайской Республике, исходя из необходимости обеспечения мирной обстановки в Тайваньском проливе и АТР³⁸. Так как воссоединение с островом является одним из ключевых факторов для реализации плана о китайском национальном возрождении³⁹, ситуация вокруг Тайваня рассматривается как «наиболее вероятный повод для потенциально катастрофической войны между США и Китаем»⁴⁰. Статус острова — одна из основных причин американо-китайской напряженности, что подтверждается частыми военными демонстрациями у его берегов⁴¹. На период 2020–2025 гг. предсказывалось объединение Тайваня

с материковым Китаем, которое будет проходить с применением военной силы⁴². Эксперты обвиняют китайское правительство в использовании военных и невоенных методов для укрепления собственной мощи⁴³, оказания давления на власти острова⁴⁴ и делегитимизации статуса Тайваня⁴⁵, а также реализации стратегии «трех войн» (психологической, информационной и правовой)⁴⁶.

Расширение китайского влияния в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях создает плацдарм для последующего применения силы и в других регионах⁴⁷. Политика Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях описывается как ненасильственная экспансия с использованием военных и невоенных инструментов, направленная на изменение регионального и международного порядка и увеличение зоны влияния (Heath, 2016, pp. 26–27).

Дипломатическое давление и угрозы военной силой также используются для отстаивания своих претензий на острова, морское

³⁶ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

³⁷ Segal S., Reynolds M., Roberts B. Degrees of Separation: A Targeted Approach to US — China Decoupling. Interim Report // Centre for Strategic and International Studies. October 21, 2021. P. 12–13. URL: <https://www.csis.org/analysis/degrees-separation-targeted-approach-us-china-decoupling-interim-report> (accessed: 03.11.2021).

³⁸ Price N. Increasing People's Republic of China Military Pressure Against Taiwan Undermines Regional Peace and Stability // The U.S. Department of State. October 3, 2021. URL: <https://www.state.gov/increasing-peoples-republic-of-china-military-pressure-against-taiwan-undermines-regional-peace-and-stability/> (accessed: 03.11.2021).

³⁹ US Military Cites Rising Risk of Chinese Move Against Taiwan // The Associated Press. April 8, 2021. URL: <https://apnews.com/article/us-military-risk-china-move-against-taiwan-788c254952dc47de78745b8e2a5c3000> (accessed: 21.08.2021).

⁴⁰ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 15. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

⁴¹ Ibid. P. 27–29, 32–33.

⁴² Zhong guo wei lai 50 nian li bi da de liu chang zhan zheng // Wen hui bao [Шесть войн, которые предстоит вести Китаю в ближайшие 50 лет // Wen Wei Po]. 08.07.2013. (На китайском языке). URL: <https://web.archive.org/web/20130919044555/http://info.wenweipo.com/index.php?action-viewnews-itemid-62404> (accessed: 10.11.2021).

⁴³ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 70. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

⁴⁴ Ibid. P. 76.

⁴⁵ Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

⁴⁶ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁴⁷ Li N. The Southern Theatre Command and China's Maritime Strategy // The Jamestown Foundation China Brief. 2017 (June 9). Vol. 17, no. 8. P. 8. URL: <https://jamestown.org/program/southern-theater-command-chinas-maritime-strategy/> (accessed: 01.12.2021). См. также: (Cooper & Shearer, 2017, p. 305).

и воздушное пространство⁴⁸. Взятие Китаем под контроль отмелей, островов и рифов в Южно-Китайском море⁴⁹ и возведение там насыпных островов и инфраструктуры⁵⁰ воспринимается как угроза для суверенитета государств АТР и судоходства. По мнению американского адмирала Д. Ставридиса, Китай таким образом реализует операции гибридной войны⁵¹. Примечательно, что другие государства, омываемые этим морем, создают аналогичные объекты и стремятся контролировать участки суши⁵², однако это не вызывает такой же острой реакции у зарубежных экспертов.

Авторитет США в западной части Тихого океана, как и доверие к ним со стороны региональных игроков, заметно снизились⁵³, в связи с чем возвращение в Южно-Китайское море и получение доверия держав региона — серьезные и значимые задачи для США в настоящее время (Cooper & Shearer, 2017, pp. 308–309). Учитывая очевидный упадок гегемонии и мощи США, формирование антикитайских альянсов из числа азиатских стран является сложной задачей для Вашингтона.

Еще одним инструментом Китая на этом направлении являются «синие человечки».

⁴⁸ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 13. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

⁴⁹ Ibid. P. 2.

⁵⁰ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁵¹ Stavridis J. Maritime Hybrid Warfare Is Coming // U.S. Naval Institute Proceedings. 2016 (December). Vol. 142. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2016/december/maritime-hybrid-warfare-coming> (accessed: 01.12.2021).

⁵² Occupation and Island Building // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies. URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/> (accessed: 01.12.2021).

⁵³ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 6. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

Так на Западе называют китайских рыбаков, которые подготовлены и подконтрольны армии КНР. Они составляют военно-морское ополчение, осуществляющее военные и невоенные операции (сопровождение судов в морских водах Китая, создание препятствий для американских военных кораблей, контроль за объектами и т. д.) (Chakravorty, 2019, p. 87). Их деятельность не нарушает нормы международного права, а сами они юридически являются гражданскими лицами.

Присутствие США в АТР, таким образом, преподносится как средство для сдерживания Китая. Так, совместно с другими государствами США реализуют операции по поддержанию свободы судоходства (*freedom of navigation operations*, FONOP)⁵⁴, а американские военные корабли патрулируют район Парасельских о-вов и о-вов Спратли, считая эти воды международными и демонстрируя отрицание китайских претензий на них.

Заключение

Несмотря на то, что концепция гибридной войны не является неотъемлемой частью китайской внешней политики, она широко представлена в западном дискурсе о современных международных отношениях. Мы наблюдаем, как под руководством США ведется обструктивная внешняя политика, направленная против глобального роста Китая. Информационное пространство является сферой соперничества, которая также используется для воспрепятствования росту мощи и влияния Китая в рамках одной из форм информационной войны.

Совокупность операций в кибернетическом, экономическом, психологическом, геополитическом, информационном, идеологическом и географическом пространствах, описанных иностранными исследователями, позволяет говорить о «китайской гибридной

⁵⁴ LaGrone S. China Says PLA Scrambled Aircraft, Ships to 'Expel' U.S. Warship from South China Sea Island Chain // USNI News. 2020. URL: <https://news.usni.org/2020/04/28/china-says-pla-scrambled-aircraft-ships-to-expel-u-s-warship-from-south-china-sea-island-chain> (accessed: 01.12.2021).

войне» и ставить ее в информационную повестку дня. Однако о ней эксперты НАТО пока не заявляют так же громко, как о российской «гибридной войне», так как китайский дискурс находится лишь в процессе внедрения. В этом отношении утверждение о том, что Китай ведет гибридную войну, является не объективным описанием факта, а скорее субъективным ярлыком, вызывающим негативные ассоциации. Этот процесс, по видимому, направлен на расшатывание системы отношений Китая с заинтересованными в сотрудничестве странами (особенно в контексте инициативы «Пояс и путь») и одновременно на укрепление и расширение системы сетей и альянсов США.

Очевидная цель состоит в том, чтобы сформировать на Западе общественное мнение о легитимности более жесткой,

основанной на ложном представлении об агрессивном Китае внешней политики в отношении КНР, стремящейся разрушить так называемый «порядок, основанный на правилах» посредством подрывных действий и обмана. Политическая легитимность при таком сценарии базировалась бы на чувстве страха в обществе: западный образ жизни находится под угрозой, поэтому принимаются решения, которые направлены на сохранение однополярного порядка США, остановку роста Китая и недопущение перехода к многополярному миру. Однако многочисленные противоречия, слабости и дилеммы американского однополярного миропорядка свидетельствуют о том, что он уже не может быть устойчивым и спасительным в современных реалиях.

Поступила в редакцию / Received: 05.09.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 03.04.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Caliskan M.* Hybrid Warfare Through the Lens of Strategic Theory // *Defence & Security Analysis*. 2019. Vol. 35, no. 1. P. 40–58. <https://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>
- Chakravorty P. K.* Hybrid Warfare in the Sino-Indian Context // *CLAWS Journal*. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 80–95. URL: <https://www.claws.in/static/PK-Chakravorty.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- Conz E., Magnani G.* A Dynamic Perspective on the Resilience of Firms: A Systematic Literature Review and a Framework for Future Research // *European Management Journal*. 2020. Vol. 38, no. 3. P. 400–412. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2019.12.004>
- Cooper Z., Shearer A.* Thinking Clearly About China's Layered Indo-Pacific Strategy // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017. Vol. 73, no. 5. P. 305–311. <https://doi.org/10.1080/00963402.2017.1364005>
- Doshi R.* The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order. New York : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197527917.001.0001>
- Flint C.* Introduction to Geopolitics. New York : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315640044>
- Fridman O.* Hybrid Warfare or Gibrindnaya Voyna? Similar, But Different // *The RUSI Journal*. 2017. Vol. 162, no. 1. P. 42–49. <https://doi.org/10.1080/03071847.2016.1253370>
- Heath T. R.* An Overview of China's National Military Strategy // *China's Evolving Military Strategy* / ed. by J. McReynolds. Washington, DC : The Jamestown Foundation, 2016. P. 1–39.
- Hoffman F. G.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. No. 52. P. 34–48.
- Jash A.* Fight and Win Without Waging a War: How China Fights Hybrid Warfare // *CLAWS Journal*. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 96–109. URL: <https://www.claws.in/static/Amrita-Jash.pdf> (accessed: 02.09.2022).
- Johnson R.* Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // *Small Wars and Insurgencies*. 2018. Vol. 29, no. 1. P. 141–163. <https://doi.org/10.1080/09592318.2018.1404770>
- Kania E. B.* Minds at War: China's Pursuit of Military Advantage Through Cognitive Science and Biotechnology // *Prism*. 2019. Vol. 8, no. 3. P. 82–101. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/prism/prism_8-3/prism_8-3_Kania_82-101.pdf (accessed: 11.08.2022).
- Lanoszka A.* Russian Hybrid Warfare and Extended Deterrence in Eastern Europe // *International Affairs*. 2016. Vol. 92, no. 1. P. 175–195. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>
- Nandan D., Chauhan B.* Chinese Hybrid Warfare Strategy: A Threat to India's National Security // *The Journal of Indian Art History Congress*. 2021. Vol. 27, no. 1. P. 129–137. URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/351660031_CHINESE_HYBRID_WARFARE_STRATEGY_A_THREAT_TO_INDIA'S_NATIONAL_SECURITY (accessed: 08.09.2022).

Pati D., Lorusso L. N. How to Write a Systematic Review of the Literature // *HERD: Health Environments Research & Design Journal*. 2018. Vol. 11, no. 1. P. 15–30. <https://doi.org/10.1177/1937586717747384>

Qiao Liang, Wang Xiangsui. *Unrestricted Warfare*. Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999.

Qureshi W. A. The Rise of Hybrid Warfare // *Notre Dame Journal of International Comparative Law*. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 173–208. URL: <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1124&context=ndjicl> (accessed: 01.09.2022).

Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*. London; Thousand Oaks, CA : SAGE Publications Ltd, 2020.

Simons G. “Inevitable” and “Imminent” Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories // *Journal of International Analytics*. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 43–58. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-43-58>; EDN: DWJBFK

Simons G. The International Crisis Group and the Manufacturing and Communicating of Crises // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35, no. 4. P. 581–597. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.924062>

Snyder H. Literature Review as a Research Methodology: An Overview and Guidelines // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 104. P. 333–339. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.07.039>

Сведения об авторах:

Саймонс Грег — внештатный сотрудник кафедры журналистики, медиа и коммуникаций, Международный университет Даффодил; eLibrary SPIN-код: 2833-6515; ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com

Манойло Андрей Викторович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 9867-9958; ORCID: 0000-0002-8142-9110; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Гончаренко Анна Романовна — аспирант, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 4244-3486; ORCID: 0009-0000-5310-0505; e-mail: annagoncharenko3@yandex.ru